

Чай Цзыжань с облегчением опустил сердце на место, но Юань Цюй, оказывается, не договорил. Тот невозмутимо продолжил:

— Госпожа Яньжань, уходя, велела передать вам, чтобы вы не прятались слишком долго у груды камней. Ночной горный ветер холодный, можно простудиться.

Заботливо накинул на Чай Цзыжаня грубую куртку, способную защитить от ветра, и добавил:

— Господин Жун Лин сказал, что одежда хоть и поношенная, но тёплая. Послужит вам.

Чай Цзыжань: «...»

Выходит, он по собственной воле всю ночь был круглым дураком.

На следующее утро лёгкий туман ещё не рассеялся, а на востоке уже показался круглый жёлтый лик солнца, взирающий на мир. Чай Цзыжань поднялся с соломенной циновки в большом шатре, огляделся — ни справа, ни слева никого не было. Сердце его ёкнуло, и в страхе он выбежал из шатра на поиски. Прямо на него, только что откинув полог, шагнул человек в чёрном. Двое мужчин столкнулись.

Чай Цзыжань, будучи худощавым, отлетел на несколько шагов и едва не рухнул на землю, но чёрная рука вовремя подхватила его. В замешательстве он поднял изумлённый взгляд:

— Ты... обнял меня?

— Да, обнял.

Увидев, с какой лёгкостью и безразличием тот это произнёс, у Чай Цзыжаня кровь ударила в голову. Он судорожно оттолкнул его и, к своему удивлению, легко вырвался — обычно это давалось с трудом. Затем, пошатываясь, бросился прочь.

— Куда так спешишь? — раздался сзади голос человека в чёрном. — Если бы я хотел тебя съесть, ты бы всё равно не убежал.

Хотя слова звучали как простая констатация факта, Чай Цзыжань почувствовал себя жестоко оскорблённым. Он упрямо обернулся, бросив на обидчика смертоносный взгляд, но тот даже не обратил на это внимания, отчего в душе Чай Цзыжаня закипела ярость.

Едва он ухватился за полог шатра, как почувствовал холод на плече. Обернувшись, он увидел, что Мо Цзюцзюнь уже стащил с него грубую куртку, а его крупная голова склонилась к его плечу, и острые зубы впились в плоть.

Боль в этот момент была поистине нестерпимой.

А то, что нельзя терпеть, терпеть и не нужно — как раз об этом.

— Ааааааа! — хриплый крик Чай Цзыжаня заставил вздрогнуть всех на склоне горы. Дежуривший снаружи Суй Фэн рванулся внутрь, но, увидев, что его господин Цзюцзюнь занимается «непристойными делами», молча развернулся и вышел, старательно охраняя вход в шатёр.

— Ааааааа! — ещё один душераздирающий вопль Чай Цзыжаня вырвался наружу сквозь тонкие стенки шатра. Утренний ветерок приподнял уголок полога, и Чай Яньжань, заглянувшая внутрь, вскрикнула:

— Ажань в опасности!

Полог приоткрылся лишь на мгновение, прежде чем Суй Ин быстро захлопнул его. Суй Фэн преградил путь всем, кто рвался внутрь:

— Всё в порядке, всё в порядке! Господин Цзыжань привык к роскоши и изысканным яствам, а тут вдруг пришлось спать на циновке на голой земле — спинка его не выдержала. Наш господин Цзюцзюнь просто помогает ему, доброе дело делает.

Люди снаружи постепенно прониклись этим объяснением. Чай Яньжань нахмурила брови:

— Пропустите меня.

Суй Фэн, не моргнув глазом, заявил:

— Неудобно, неудобно. Они оба там полураздетые, вам, девице, заходить неприлично.

Чай Яньжань стояла на своём:

— А если я всё-таки войду?

Из шатра донёсся третий оглушительный рёв:

— Ааааааа!

У всех присутствующих зашевелились волосы на голове. Жун Лин, видя беспокойство Чай Яньжань, вызвался:

— Если госпоже Яньжань не подходит входить, то позвольте мне!

Суй Фэн переглянулся с Суй Ин. Тот приподнял лишь самый нижний край полога, оставив отверстие размером примерно с собачью лазейку.

Любопытные взгляды устремились к этой «норе». Все понимали: если кто-то полезет туда на глазах у всех, ему не сносить головы от насмешек.

Чай Яньжань, вне себя от волнения за брата, присела у лаза и принялась высматривать внутрь. Её тревожный взгляд скользил туда-сюда, и в конце концов она действительно разглядела, как с невидимого места на землю соскользнула грубая куртка.

С падением одежды из шатра вырвался четвёртый, особенно жалобный вопль:

— Ааааааа!

Чай Яньжань похолодела. Даже будучи умной и проницательной, она никак не ожидала, что Мо Цзюцзюнь, столько лет не проявлявший агрессии, вдруг решит применить силу к её брату. Она уже готова была полезть в эту «собачью нору», но Суй Фэн и Суй Ин преградили ей путь. Оба стояли невозмутимо:

— Госпожа Яньжань, нельзя.

Чай Яньжань скрежетала зубами от ярости:

— Среди бела дня ваш господин творит насилие... — дальше она покраснела и не смогла

выговорить.

Суй Фэн бесстрастно повторил:

— Нельзя.

Чай Яньжань и не думала слушаться этих двух «сторожевых псов». Она собралась было прорваться, но Жун Лин остановил её:

— Госпожа Яньжань, позвольте мне!

Чай Яньжань на мгновение замерла, а Жун Лин уже протиснулся в «собачью нору».

Разбойников из Пятого лагеря уже скрутили, а позади Чай Яньжань толпились любители острых ощущений из числа солдатни. Эти служивые, обычно зажатые строгой дисциплиной, наконец дождались зрелища и радовались, как дети. Мо Цзюцзюнь был племянником императора, а Чай Цзыжань — сыном его названного брата, так что обсуждать их они не смели. Но Жун Лин был для них лёгкой добычей.

— И не думал, что этот опустившийся школяр с заячьей душой на такое способен! — воскликнул один солдатик.

— Какая там способность! — съязвил другой. — По его жалкому виду сразу видно — себе на уме. — Он многозначительно покосился на стройную фигуру Чай Яньжань, и смысл был ясен.

— То-то и оно! — подхватил товарищ. — Пролез в собачью нору, чтобы выслужиться перед красавицей. А по-честному — просто себя унизил! Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-ха! — подхватила остальная ватага, словно они, не лезущие в «норы» из страха, были какими-то благородными героями.

Чай Яньжань, обычно тихая и сдержанная, на этот раз не выдержала. Она гневно сверкнула на них глазами и крикнула:

— Замолчите! Какое вы имеете право судить Жун Лина — хорош он или плох? Он, будь он хоть благородным мужем, хоть подлецом, не вашего ума дело! Сегодня он пролез не в собачью нору, а в дверь, в выход! У него была одна цель — помочь моему брату, защитить его от господина Цзюцзюня! — Она с яростью ткнула пальцем в сторону лаза и горько рассмеялась:

— А вы не лезете туда не из благородства, а потому что дрожите перед властью, боитесь прогневать сына Великой старшей принцессы!

— Хо-ро-шо сказано!!! — несколько солдат вздрогнули и, обернувшись, увидели генерала Хунмэня, того самого, что упражнялся в «Ладони железного песка». У них чуть душа не ушла в пятки.

Генерал Хунмэнь с одобрением смотрел на Чай Яньжань:

— Яньжань, в тебе есть настоящая стать отца! — Его взгляд помрачнел, и он вздохнул:

— Жаль только, что ты девица.

Чай Яньжань уже привыкла к тому, что всякий раз, когда они с братьями проявляли характер, генерал Хунмэнь сокрушался, что у её отца не осталось наследника. Она ласково взяла его за

руку и, указывая на огромный шатёр, взволнованно проговорила:

— Дядя Хунмэнь, спасите же моего брата!

Генерал Хунмэнь кивнул:

— Само собой. — Однако прежде чем броситься на помощь, он не забыл проучить солдат, опозоривших честь мундира. Каждому он щедро отвесил по затрещине «Железной ладонью» и рявкнул:

— А ну, марш получать наказание!

Несчастные, понуро бредя прочь, всё же умудрились бросить на Чай Яньжань взгляд, полный восхищения.

Генерал Хунмэнь, хоть и не был человеком заносчивым, но, увидев двух молодых людей, преграждающих ему путь, ощутил лёгкое раздражение:

— Вы уйдёте сами, или мне помочь вам? — Его глаза сверкнули, как у тигра, а вокруг него вдруг сгустилась незримая, давящая аура.

Суй Фэн и Суй Ин почувствовали тревогу, но они были профессиональными бойцами. Кроме Мо Цзюцзюня, никто не мог заставить их отступить ни на шаг. Взгляды скрестились в немой дуэли, и ни одна сторона не уступала. Генерал Хунмэнь выставил вперёд свою могучую ладонь, отчего его золотые латы зазвенели, источая суровую злобу. Он даже рассмеялся от возмущения:

— Хорошо, молодцы! Прямо замечательные!

Когда генерал Хунмэнь помогал нынешнему императору завоёвывать Поднебесную, эти сопляки ещё у мамок за пазухой сидели и леденцы сосали. И вот прошло каких-то десять с лишним лет, а они уже смеют ему перечить! Вот это наглость!

Суй Фэн и Суй Ин молча сжали рукояти своих хлыстов из мягкого золота на поясах, выпрямили грудь, и взоры их загорелись решимостью. Они твёрдо намерились не уступать ни пяди вверенной им земли.

<http://bllate.org/book/15931/1424033>